

ОТНОШЕНИЕ К КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ОТРАЖЕНИИ НАРОДНЫХ ЧАСТУШЕК

Владимир Анатольевич Шаповалов¹, Светлана Петровна Шаповалова²

Белгородский государственный национальный исследовательский университет^{1, 2}
Белгород, Россия

¹Доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения,
тел.: (4722) 30-18-00, e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

²Кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения,
тел.: (4722) 30-18-53, e-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье показана возможность использования народных частушек в качестве исторического источника в рамках изучения коллективизации советской деревни. Данный фольклорный жанр фактически не используется специалистами в качестве источника, в редких случаях его избирают для иллюстрации какого-либо явления, особо не вдаваясь в специфику и информативную возможность частушек. Народные частушки, по своей сути, являются кратким эмоциональным выражением собственной позиции по отношению к какому-либо процессу, явлению и т.д. В нескольких строчках сконцентрировано столько социально-психологической экспрессии, которой нет в значительной части других фольклорных жанров. Настоящая статья построена по принципу противопоставления, когда частушки из официальных сборников чередуются с «заветными» частушками из коллекции А.Д. Волкова. Это показывает полярность воззрений российского крестьянства на саму историческую природу коллективизации. Но здесь нельзя отрицать, что часть частушек из официальных сборников была написана под заказ в контексте «выверенной» идеологии.

Ключевые слова: частушки, фольклор, коллективизация сельского хозяйства, советская деревня, полярность мнений.

Для цитирования: Шаповалов В. А., Шаповалова С. П. Отношение к коллективизации в советской деревне в отражении народных частушек // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 132–136. DOI 10.47438/2309-7078_2021_1_132.

Введение

Коллективизация сельского хозяйства СССР изучена советскими и российскими историками довольно детально. Но источниковая база при рассмотрении данного процесса использована не в полной мере. Это касается фольклорных источников, в первую очередь малых жанров. Среди них выделяется частушка, с присущей ей сарказмом и точностью выражения собственной позиции исполнителя к тому или иному явлению или процессу, отраженному в ней. Коллективизация российской деревни ломала традиционный уклад крестьянства, вызывала неоднозначные и противоречивые отклики среди селян, нередко доходя до радикальных форм сопротивления и неприятия самой идеи обобществления «собственного добра». Все это довольно ярко нашло отражение в народных частушках. В них видна не только полярность мнений, но чувствуется и государственно-культурная политика в данном процессе. Часть частушек одобрительного плана писалась под заказ, и они отличаются от «заветных» частушек большей внешней эстетикой. Тем не менее, в частушках довольно детально отражены как протестные настроения, так и проколхозные. В первую очередь они раскрывают социопсихологические аспекты коллективизации советской деревни, а это имеет особую ценность.

Результаты

Перед непосредственным анализом поставленной задачи рассмотрим, что представляет собой частушка. Из всего многообразия фольклорных жанров, по степени информативности и быстрому эмоциональ-

ному отклику на политические события, следует выделить частушку. Этот жанр русского музыкального фольклора относится к числу наиболее поздних. Исследователи датируют его возникновение 60–70-ми годами XIX в. Первым пристальное внимание к народным частушкам обратил Г.И. Успенский. В 1889 г. в его статье «Новые народные песни (из деревенских заметок)» впервые появляется термин «частушка», который имел отношение к народным названиям: «частые», «частухи» (ими отмечен темп исполнения, скорый сравнительно с пением протяжных песен) [1, с. 399-400]. В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона термин «частушка» приобретает официальный характер, и ему дается следующее определение: «Частушка – современный тип народной песни, состоит из коротких строк и куплетов, содержание берется из текущей жизни» [2, с. 2007].

На наш взгляд, наиболее ёмкое определение частушки дает В.М. Щуров: «Частушки – это короткие, обычно монострофические песенки лирического, юмористического либо сатирического содержания, отличающиеся злободневностью тематики, афористичностью поэтики и лаконизмом, отточённостью, закругленностью музыкальной формы в сочетании с современными выразительными средствами» [3, с. 285]. Частушка в зависимости от местности носит свое собственное, отличающее её от песен название: «Припевка», «Причудка», «Коротушка», «Набирушка», «Семеновна» и др. В.И. Симмаков писал, что, давая этому творчеству особое название, народ тем самым подчеркивал, что он резко отличает частушку от песни. Частушка не столько поется, сколько подпевадается под гармони-

ку, балалайку, приговаривается при пляске. Частушка, как правило, выходит от автора в целом, в законченном виде. При всем том, как бы частушка ни была индивидуальна, но она верно передает решительно все стороны народной жизни: быт, характер, нравы, настроения [4, с. XIII]. Здесь особо стоит обратить внимание на то, что частушка передает настроение в адрес чего-либо.

Темы и образы характеризуют частушку как молодежную лирику. Частушки отвечали мироощущению и мировосприятию молодых людей. Новый жанр обладал способностью откликаться на социальную новизну [5, с. 691]. Долгое время считалось, что частушки не имеют авторства, они анонимны. Но В.И. Симаков при собирании частушек познакомился в конце 1920-х гг. с авторами некоторых из них. «Обеим сочинительницам, Кате и Наташе, всего по двенадцатому году. В школе они не были, да она и далеко, в четырех верстах от деревни. Учились они дома... Читать кой как могут, а писать совсем плохо. Песенки-частушки составляют по памяти. ...Авторством своим они совсем не превозносятся и никому о своем сочинительстве не говорят... Все это у них делается не ради каких-нибудь выгод и славы, а ради собственного интереса...» [6, с. 23]. И далее В.И. Симаков утверждает, что молодежь не только творит и распевает частушки. «Самым важным хранителем этой поэзии, как раз является возраст от 10 до 20 лет» [6, с. 40]. С этим можно согласиться применительно к сфере частной жизни, любовным переживаниям и похождениям, но «заветные» частушки социального плана, пропитанные житейской мудростью и отчаянием вряд ли были сочинены подростками 10–15 лет.

Частушка сочиняется сиюминутно, спонтанно, отражая типичные жизненные ситуации, либо откликаясь на примечательные события в селе, в стране, в мире. Наиболее удачные находки подобного рода закрепляются в сознании и памяти окружающих, а затем тиражируются исполнителями. В годы революционных кризисов частушка обрела политическую остроту. Д.К. Зеленин имел все основания утверждать, что частушки обнаруживают «неискаженный, подлинный реализм, который иногда даже напоминает реализм журналистики или газетной хроники» [5, с. 693].

Таким образом, частушка, по сути, является социопсихологическим слепок народных воззрений на происходящие в стране изменения. Четкость сформулированной в частушках народной мудрости, отражающей реальную действительность, позволяют их считать историческими источниками.

В предисловии к изданию «Русская частушка в записках советского времени» А.А. Горелов указывает, что «пореволюционное крестьянство первоначально делилось на три главные группы: ...пролетарии или беднота, затем среднее крестьянство, ...кулаки». И далее читаем очень интересное наблюдение: «среди ранних записей частушек, хранящихся в архиве Пушкинского дома, есть произведения, созданные тремя группами сельского населения. В предлагаемой книге нет произведений, созданных последней группой крестьянства... [7, с. 7]. Таким образом, по официальной версии, большинство частушек о новой счастливой колхозной жизни создавалось и исполнялось реальными сторонниками советской власти, поддержавшими перемены, происходившие в стране. Такие частушки вошли во всевозможные сборники, их тиражировали, они становились предметом изучения фольклористов. Но были и те, кто не принял новую власть, не хотел мириться с советской действительностью и создавал свои, альтернативные частушки.

Такие частушки так же имели своих исполнителей и слушателей. Но многие из них за это были репрессированы. Тем не менее «заветные» частушки собирались, переписывались и хранились. Наиболее полная коллекция таких частушек была собрана А.Д. Волковым [8]. Но по понятным причинам они не публиковались.

В советских частушках 1920-х и начала 1930-х гг. живо отражены все те важные изменения, которые внесла в крестьянскую жизнь культурная революция и коллективизация, ярко обрисованы характерные черты новых советских людей [9, с. 242]. Рассмотрим, как в официальных и «заветных» частушках оценивались основные процессы колхозного строительства. Естественно, в одной статье невозможно остановиться на всех аспектах данной проблемы, поэтому выделим самые центральные – это отношение крестьян к колхозу, к выселению, к кулакам, к продналогу, к работе за трудодни.

Колхозное строительство должно было базироваться на массовом вовлечении крестьян в различные формы сельскохозяйственной кооперации. 28 мая 1929 г. – день принятия съездом Советов СССР первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. На следующий день, 29 мая, сталинское руководство принимает решение «в максимальной степени развить систему принудительных работ». Создавалась система ГУЛАГа, а затем еще и спецпоселений из раскулаченных крестьян. Форсирование «сплошной коллективизации» миллионов крестьянских хозяйств, доходившее до попыток ее проведения по сталинским директивам за год-полтора и даже, как требовал В.М. Молотов, «в течение весенней посевной компании 1930 г.», означало отказ от кооперативного плана и его основных принципов. Широкое использование принуждения, раскулачивание (местами до 15% крестьянских хозяйств!) причинили ничем не оправданное и не поддающееся измерению разорение для основной массы населения страны [10, с. 706].

После принятия постановления ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» началась массовая депортация раскулаченных в северные и восточные районы СССР. 11 января 1930 г. Г.Г. Ягода в записке сотрудникам ОГПУ писал: «Нам необходимо до марта-апреля расправиться с кулаком и раз навсегда сломать ему хребет. Меры, помимо экономических, которые мы должны наметить (какие), в первую очередь необходимо разработать меры репрессивно-административного характера...» [11, с. 31].

Как видим, коллективизация, раскулачивание, создание спецпоселений и лагерей отражали собой планомерную стратегию государства для борьбы с любыми проявлениями несогласия и создания системы использования дешевой рабочей силы. Эта политика ломала сознание крестьянства, и объективно данный процесс должен был найти выражение в духовной народной культуре.

И.Е. Кознова собрала обширный материал крестьянских воспоминаний о коллективизации. В своем исследовании она пишет: «В разных частях страны в ответ на вопрос, почему люди не хотели идти в колхоз и тем не менее шли, звучит в ответ одна и та же фраза – "куда деваться" – "против власти не выступишь", "пришлось смириться", "а куда денешься?", "народ был запуган"». Альтернатива была весьма проста: «либо колхоз, либо ссылка». «А если не идешь в колхоз, значит против советской власти. Нас и раскулачили» [12, с. 242].

Рассмотрим, как этот процесс отражается в частушках. В целом отношение к коллективной орга-

низации труда в большинстве советских частушек (прошедших проверку цензурой) расценивалось как позитивное. В колхозе: «весело работать», «единоличников не уважают», получают «большие урожаи», строят «новые избы» [13, с. 285-290]. В антологии Н.И. Рождественской и С.С. Жислиной приведены такие частушки:

*Задумешная подружка,
Нам в колхоз входить пора:
Там работать веселее,
Пахут в поле трактора [13, с. 286].
Полно, полно, потрудились
В нищете-неволюшке,
Поработаю в колхозе
На широком полюшке [13, с. 288].*

*Не видать земли крестьянам,
А дадут – не будешь рад:
Как ты был всегда в неволе,
Так и дальше будешь раб [8, с. 219]!
Разъясню ей, толкую,
Агитацию веду:
– Привыкай к колхозной жизни,
И легко будет в аду [8, с. 235].*

Колхоз сравнивают с рабством: «Сталин отнял землю, отнял волю», «у крестьянина никаких нет прав», «Сталин сделал в колхозе крепостной закон», «три шкуры Сталин с мужика содрал» и т.д. [8, с. 220-236].

Тема выселения в этих частушках представлена довольно широко. В альтернативных частушках приводится больше подробностей этого процесса: отправляли «за Полярный круг: виноград растить», «на северный мороз», «в тундре дадут большой надел» и т.д. [8, с. 226-237]. В качестве примера можно привести такую частушку:

*С радостью иду в колхоз,
Пишу заявление!
Ну а если не пойду –
Враз на выселение [8, с. 226].*

Наиболее трагические события, происходившие в советской деревне в период массовой коллективизации – это борьба с кулачеством как с классом. В советских агитационных частушках кулаков сравнивают со «змеями подколотыми», которых из деревни «метлой повымели» [13, с. 290-293]:

*Гляди, братцы, не зевай,
Оружия не складывай;
Кулачье ползет в сарай,
За зерном поглядывай [13, с. 291].
Кулаки вы, кулаки,
Змеи подколотые,
Мы работали на вас
Босые, голодные [13, с. 291]!*

Всего в 1929–1932 гг. было выслано в отдаленные районы страны около 2,5 млн крестьян. В местах ссылки погибли сотни тысяч. Еще два с лишним миллиона были ограблены и выгнаны из родных деревень или предусмотрительно бежали оттуда [15, с. 45]. Это сразу нашло отражение в частушках. Главный лейтмотив «заветных» частушек о борьбе с кулаком сводился к тому, что, «освободив» деревню от зажиточных, «жить хуже начали»:

*Мы зажиточными стали,
Уничтожив кулаков:
Лебеду уже сожрали –
Добрались до лопухов [8, с. 270].
Голодные не сидим –
В селе досыта едим:
Весной – крапиву, лебеду,
Зимой навозную бурду [8, с. 327].*

Но и в этих частушках присутствует тема о вы-

селении. В тексте нет негативного отношения к выселенцам, скорее читается сочувствие им. В сборнике Ф.М. Селиванова читаем:

*Выселяете миленка, –
Выселяйте и меня,
Будем оба выселенцы –
Ягодиночка и я.
Мы с товарочкой ходили
Выселенцев провожать.
Наши милые ревели –
Не хотели уезжать [14, с. 154].*

Противники коллективизации в своих частушках показывали иную сторону данного процесса. Из коллекции А.Д. Волкова можно узнать, о чём горевали крестьяне: «освободили батраков от работы и еды». «Добро», которое раньше принадлежало «кровососам-кулакам», растащили комиссары [8, с. 241-249]. Например:

*Мы теперь в колхоз вступили,
Гоним в шею кулака!
Но без них, как ни трудились,
Изобилья нет пока [8, с. 242].
На путь верный нас Сталин
Вывел, пьяниц, дураков:
Мы теперь умнее стали –
Убиваем кулаков [8, с. 249].*

Карательные меры на государственном уровне не могли сказаться на методах проведения хлебозаготовок: у колхозников и единоличников забирали весь хлеб подчистую, как в годы продразверстки, с тем, однако, отличием, что теперь забирали все и у заведомых бедняков. Люди пухли от голода, умирали [16, с. 58]. В сохранившихся частушках о продналоге и хлебозаготовках транслировались противоположные точки зрения, для сравнения:

*Мы, веселые девчата,
Петь частушки ловкие.
Не позволим мы сорвать
Хлебозаготовки [13, с. 293].
К нам приехал продотряд –
И сам черт ему не рад.
Заберут все до зерна –
Не оставят семена [8, с. 261].*

В политических частушках находим развитие данного сюжета: «Большевики грабят мужиков», «все до крошки отобрали», «взяли курку за налог – дед от голода подох» и т.д. [8, с. 241-250]. Еще одна тема, тесно связанная с раскулачиванием и продналогом, на которую составлено большое количество «заветных» частушек и нет практически отражения в подцензурных текстах, – это проблемы плохого питания и голода в деревне. Горько иронично звучат строки, о том, что едят «из крапивы щи», что «хлеба не стало по целой неделе», «пьют тухлую воду» [8, с. 270-328]. Это яркий показатель поляризованности частушек, наиболее острой «на язык» малой формы фольклорного жанра. Голод в деревне был запретной темой в СССР, но в «заветных» частушках эта тема раскрывалась довольно широко:

В то же время в другой коллекции частушек находим:

*Распускайся, распускайся,
Голуба сирень у хат.
Кто работает в колхозе,
Тот всегда будет богат [13, с. 323].*

Одной из наиболее острых тем являлась оплата труда колхозника пресловутыми «палочками» или трудоднями. И.Е. Кознова отмечала, что «память связала колхозный труд с работой «за палочки», с пустыми трудоднями («поганые голые трудодни»), когда «людям за труд ничего не давали», когда «внутренности шуб огнили от многочисленной, тя-

желой работы»: «А получали мы на эти трудовни фигу...», «день жнешь, ночь молотишь. А осенью получишь дулю...» [12, с. 303].

В «заветных» частушках данная тема представлена достаточно широко. В них практически повторяются те же высказывания, только обличенные в стихотворную форму: «палочек» за работу получено много: «Наберется пятьсот «палочек», в ведомости «тыща «палочек», «палочек» воз, но реально за них – «заработали «пиши», «кукиш дали», не прокормишь «двух котов» [8, с. 290-299]. Например:

*Колхоз «Светлые дали»,
Ничего делишки! –
На «палочки» кукиш дали –
Плачут ребятишки [8, с. 290].
Мы за лето заработали
По триста трудовней –
Кошку Мурку не прокормим,
А не то двоих детей [8, с. 298].*

В антологии Н.И. Рождественской и С.С. Жислиной эта тема практически не звучит. Вместо этого bravурно воспеваются соцсоревнование, стахановское движение, ударный труд, перевыполнение плана:

*Эх, бей дробней,
Сапог не жалей.
Заработали мы с милым
Больше тыщи трудовней [13, с. 312].
Мой милочек ударник,
Хорошее звание.
Вызывает он меня
На соревнование [13, с. 308].*

По-разному в частушках оценивается достаток колхозников. В просоветских частушках колхозни-

цы надели «шелковые платья», а в политических – ходят «голые и босые», платье «из дерюги», в «заплатах» [8, с. 377-379], для сравнения:

*Золотое волокно
В срок успела сдать я,
Нарядила все звено
В шелковые платья [13, с. 317].
Надо с временем считаться –
Экономно надо жить:
Зимой в листья закататься,
Летом голыми ходить [8, с. 379].*

Выводы

Частушка как малая форма фольклорного жанра в годы коллективизации советской деревни приобретает ярко выраженный политизированный характер. В ней раскрываются с полярных точек зрения различные процессы и детали коллективизации. Просоветские слои крестьянства, как правило, из беднейших категорий, в общем признали коллективизацию, хотя не без оговорок, и из их среды выходили частушки хвалебной направленности. Большая доля вероятности, что часть просоветских частушек была написана профессионалами на заказ, и их отличала художественная завершенность и эстетика слога. «Заветные» частушки отражали настроения той части крестьянства, которая не приняла колхозы, и в них раскрываются причины данного неприятия. Всё это делает народные частушки ценным историческим источником, в частности, в сфере исследований по коллективизации.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Народное музыкальное творчество : учебник / отв. ред. О. А. Пашина. СПб. : Композитор, 2005. 568 с.
2. Частушка // Малый энциклопедический словарь. СПб. Брокгауз и Ефрон, 1909. Т. II, вып. IV.
3. Щуров В. М. Жанры русского музыкального фольклора : учебное пособие для музыкальных вузов и училищ : в 2 ч. М. : Музыка, 2007. Ч. 1 : История, бытование, музыкально-поэтические особенности. 400 с., нот.
4. Симаков В. И. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913. 673 с.
5. Аникин В. П. Русское устное народное творчество : учеб. для вузов. М. : Высш. шк., 2004. 735 с.
6. Симаков В. И. Что такое частушка? К вопросу о ее историческом происхождении и значении в народном обиходе. М., 1927. 64 с.
7. Власова З. И., Горелов А. А. Памятники русского фольклора. Русская частушка в записях советского времени. М. ; Л. : Наука, 1965. 497 с.
8. Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. Политические частушки. Т. 2. М. : ЛАДОМИР, 1999. 500 с.
9. Бачинская Н. М., Попова Т. В. Русское народное музыкальное творчество. М. : Музыка, 1973. 304 с.
10. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. М. : РОССПЭН, 2011. Ч. 2. 831 с.
11. Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М. : Собрание, 2004. 296 с.
12. Кознова И. Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 464 с.
13. Русские частушки / сост. Н. И. Рождественская, С. С. Жислина. М. : Художественная литература, 1956. 496 с.
14. Частушки / сост. Ф. М. Селиванов. М. : Сов. Россия, 1990. 656 с.
15. Максудов С. Победа над деревней : Демографические потери коллективизации. М. ; Челябинск : Социум. 20019. 601 с.
16. Голод 1932–1933 годов : сб. статей / отв. ред., вступ. ст. Ю. Н. Афанасьев. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. 96 с.

References

1. Pashina O.A., ed. *Narodnoe muzykal'noe tvorchestvo* [Folk musical creativity]. Saint Petersburg, Kompozitor Publ., 2005. 568 p.
2. [Ditty]. *Malyi entsiklopedicheskii slovar'* [Small encyclopedic dictionary]. Saint Petersburg, Brokgauz i Efron Publ., 1909, vol. II, iss. IV.
3. Shechurov V.M. *Zhanry russkogo muzykal'nogo fol'klora. Ch. 1 : Istoriya, bytovanie, muzykal'no-poeticheskie osobennosti* [Genres of Russian musical folklore. Part 1. History, existence, musical and poetic features]. Moscow, Muzyka Publ., 2007. 400 p.
4. Simakov V.I. *Sbornik derevenskih chastushek* [Collection of village ditties]. Yaroslavl, 1913. 673 p.

5. Anikin V.P. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Russian oral folk art]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 2004. 735 p.
6. Simakov V.I. *Chto takoe chastushka? K voprosu o ee istoricheskom proishozhdenii i znachenii v narodnom obihode* [What is a ditty? On the question of its historical origin and meaning in folk life]. Moscow, 1927. 64 p.
7. *Pamyatniki russkogo fol'klora. Russkaya chastushka v zapisyakh sovetskogo vremeni* [Monuments of Russian folklore. Russian ditty in recordings of the Soviet era]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 497 p.
8. *Zavetnye chastushki iz sobraniya A.D. Volkova. Politicheskie chastushki. T. 2.* [Cherished ditties from the collection of A.D. Volkov. Political ditties. Vol. 2]. Moscow, LADOMIR Publ., 1999. 500 p.
9. Bachinskaya N.M., Popova T.V. *Russkoe narodnoe muzykal'noe tvorchestvo* [Russian folk music]. Hrestomatija [Reader]. Moscow, Muzyka Publ., 1973. 304 p.
10. Danilov V.P. *Istoriya krest'yanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy : v 2 ch.* [History of the Russian peasantry in the twentieth century. Selected Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 831 p.
11. Ivnitiskii N.A. *Sud'ba raskulachennykh v SSSR* [The fate of the dispossessed in the USSR]. Moscow, So-branie Publ., 2004. 296 p.
12. Koznova I.E. *Stalinskaya epokha v pamyati krest'yanstva Rossii* [The Stalin era in the memory of the peasantry of Russia]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 464 p.
13. Rozhdestvenskaya N.I., Zhislina S.S. *Russkie chastushki* [Russian ditties]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1956. 496 p.
14. Selivanov F.M. *Chastushki* [Ditties]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1990. 656 p.
15. Maksudov S. *Pobeda nad derevnei : Demograficheskie poteri kollektivizatsii* [Victory over the Village : Demographic Loss of Collectivization]. Moscow, Chelyabinsk, Socium Publ., 2019. 601 p.
16. Afanas'ev Ju.N., ed. *Golod 1932–1933 godov* [The famine of 1932–1933]. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t Publ., 1995. 96 p.

Поступила в редакцию 15.02.2021
Подписана в печать 01.03.2021

ATTITUDE TO COLLECTIVIZATION IN THE SOVIET COUNTRYSIDE IN THE REFLECTION OF FOLK DITTIES

Vladimir A. Shapovalov¹, Svetlana P. Shapovalova²

*Belgorod State National Research University^{1, 2}
Belgorod, Russia*

¹*Dr. Histor. Sci., Professor of the Department of Russian History and Documentation studies,
tel.: (4722) 30-18-00, e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru*

²*Cand. Histor. Sci., Docent of the Department of Russian History and Documentation studies,
tel.: (4722) 30-18-53, e-mail: Shapovalova_S@bsu.edu.ru*

Abstract. The article shows the possibility of using folk ditties as a historical source in the study of the collectivization of the Soviet village. This folk genre is not actually used by specialists as a source, in rare cases it is chosen to illustrate a phenomenon, without particularly going into the specifics and informative possibility of ditties. Folk ditties are essentially a brief emotional expression of one's own position in relation to a process, phenomenon, etc. In a few lines, so much socio-psychological expression is concentrated, which is not present in a significant part of other folklore genres. This article is based on the principle of juxtaposition, when ditties from official collections alternate with “cherished” ditties from the collection of A. D. Volkov. This shows the polarity of the views of the Russian peasantry on the very historical nature of collectivization. But here it is impossible to deny that some of the ditties from the official collections were written under the order in the context of a “verified” ideology.

Key words: ditties, folklore, collectivization of agriculture, Soviet village, the polarity of opinions.

Cite as: Shapovalov V. A., Shapovalova S. P. Attitude to collectivization in the soviet countryside in the reflection of folk ditties. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2021, no. 1, pp. 132–136. (in Russian). DOI 10.47438/2309-7078_2021_1_132.

Received 15.02.2021
Accepted 01.03.2021